

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Олег ТАРАСОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

SUMMARY

The article is devoted to personology research of legal representation institute as a complex phenomenon system on examples of international and national law. A comparative analysis of the institute with related institutions of legal presentations and self-representation has been made. The phenomenon of legal transpersonativity has been identified. In this sense exteriorial transpersonality is connected with the external self-presentation of legal or sovereign body. In its term, interiorial transpersonativity concerns integration of personative legal form, for example, during investigation of crimes, committed by legal and sovereign persons.

Key words: the legal personology, legal presentation, representation and self-representation, legal exterior and interior transpersonativity, overcoming the legal personative form.

Статья посвящена персонологическому исследованию института правового представительства (репрезентации) как сложного системного явления на примере международного и национального права. Проведен сравнительный анализ данного института со смежными институтами правовой презентации и саморепрезентации. Выявлен феномен правовой трансперсональности. При этом экстериторная трансперсональность связана с необходимостью внешней саморепрезентации юридического или суверенного лица. В свою очередь, интриторная трансперсональность касается проникновения внутрь персонативной правовой формы, например, при расследовании правонарушений, совершенных юридическими и суверенными лицами.

Ключевые слова: правовая персонология, правовая презентация, репрезентация и саморепрезентация, правовая экстериторная и интриторная трансперсональность, преодоление персонативной правовой формы.

Постановка проблемы. Институт представительства является одним из традиционных объектов исследования как общей теории права, так и отдельных отраслевых наук. Четкое уяснение природы представительства различных субъектов международного и национального права позволяет избежать ошибок в ходе правотворческого процесса и правоприменительной практики.

Актуальность темы исследования. Используя традиционный нормоцентристский подход, авторы уделяют основное внимание правам и обязанностям, лишь отчасти затрагивая проблематику самого субъекта права [1, с. 25-123]. При этом игнорируются фундаментальные теоретико-методологические наработки правовой персонологии [2], что не позволяет распознать сущность ряда персонативных правовых феноменов, и, как результат, получить адекватное видение

правовой картины мира. Одним из подобных примеров является смешение между собой трёх очень близких, но все же различных институтов, в рамках одного института правового представительства.

Состояние исследования. Институт представительства был классическим объектом исследований как во второй половине XIX – начале XX ст. (А. Гордон [3], Н. Нерсесов [4], И. Шерешевский [5] и др.), так и во второй половине XX ст. в советской (Я.М. Магазинер [6, с. 296-301], К.И. Скловский [7], Н.А. Субботин [8], А.А. Чалый [9] и др.) и зарубежной науке (Дж. Барберис [10], Р. Дауди [11], А.П. Серени [12] и др.). Большое внимание ему уделяется в современный период как в национальном (Н.А. Мкртумян [13], Е.Л. Невзгодина [14], Е.Я. Токар [15] и др.), так и международном праве (Е. Лагранже [16], А.М. Хусейн [17] и др.).

Целью и задачей статьи является персонологическое исследование института правового представительства (репрезентации) как сложного системного явления на примере международного и национального права, а также четкое разграничение и сравнительный анализ данного института со смежными институтами правовой презентации и саморепрезентации.

Изложение основного материала. Представительство обычно определяют как осуществление юридических действий одним самостоятельным субъектом права (представителем) от имени и в интересах другого субъекта права (представляемого). Например, представительство адвокатом интересов своего клиента в международных и национальных судебных и арбитражных органах, представительство родителями прав своего несовершеннолетнего ребенка в отношениях с третьими

лицами и т.п. Это классические случаи представительства.

Однако термин «представительство» также применяют в случаях, когда представляемый и представитель не просто тесно взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга, но юридически являются одним и тем же правовым лицом (субъектом права). Имеется в виду представительство в силу занимаемой должности (*ex officio*). Например, государство как суверенное правовое лицо по международному праву могут представлять без специальных полномочий глава государства, глава правительства и министр иностранных дел (ст. 7, п. 2 Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года [18]). Действия этих трёх должностных лиц рассматриваются с юридической точки зрения как действия самого государства. Ни глава государства, ни глава правительства, ни министр иностранных дел субъектами международного права не признаются. Таким образом отсутствует важнейший признак классического представительства – наличие второго субъекта права (представителя), связанного отношениями представительства с первым субъектом права (представляемым). Каким же образом «не субъект» права способен осуществлять представительские функции?

Видимо, в данном случае мы имеем дело с особым правовым явлением, которое, чтобы не смешивать с классическим представительством (англ. *representation* - репрезентация), предлагаем обозначить термином «самопредставительство» (англ. *self-representation* - саморепрезентация). Правовые особенности самопредставительства возможно выяснить, используя наработки правовой персонологии [19, 20]. Так, если сравнить представительство и самопредставитель-

ство, то можно увидеть следующие различия.

Во-первых, представительство допускает участие правовых лиц с любой персонативной правовой формой (физическое, юридическое или суверенное лицо). Самопредставительство предполагает, что саморепрезентантом всегда должно выступать физическое лицо, занимающее определенное должностное (служебное) положение в рамках саморепрезентируемого суверенного или юридического лица (например, президент, премьер-министр, генеральный секретарь, директор, ректор и т.п.).

Во-вторых, представительство предполагает наличие отдельной правосубъектности у каждого из двух субъектов права на одном уровне правовой системы. Самопредставительство указывает на правосубъектность только саморепрезентируемого суверенного или юридического лица в рамках данной правовой системы, умалчивая о правосубъектности физического лица в рамках правовой подсистемы суверенного или юридического лица.

В-третьих, представительство означает поведение одного правового лица в интересах и от имени другого правового лица. Саморепрезентационное поведение должностного лица означает поведение самого суверенного или юридического лица. Должностное лицо выступает не от имени и по поручению, а в качестве самого суверенного или юридического лица. Как отмечал М. Ориу: «Чиновник, придерживающийся своей функции, - не индивидуальный человек, а часть административной машины» [21, с. 106].

В-четвертых, представительские отношения складываются между правовыми лицами. Саморепрезентационные отношения формируются вначале в рамках правовой подсистемы суверен-

ного или юридического лица, где устанавливаются саморепрезентационные полномочия конкретного должностного лица, и лишь затем они проявляются во внешней правовой среде, являясь действиями самих суверенных или юридических лиц. Говоря иначе, представительские отношения – это всегда внешние отношения между субъектами права, а саморепрезентационные отношения – это всегда внутрикорпоративные или внутрикратостические (внутригосударственные) отношения, ограниченные соответствующей персонативной формой юридического или суверенного лица.

При этом как репрезентация, так и саморепрезентация отличаются от непосредственной и личной презентации физическим лицом своих собственных интересов. Если сравнить презентацию и репрезентацию, то можно увидеть следующие различия.

Во-первых, репрезентатор может обладать любой персонативной правовой формой, в то время как презентатор является всегда исключительно физическим лицом.

Во-вторых, репрезентация означает поведение одного правового лица в интересах и от имени другого правового лица, тогда как презентатор всегда представляет самого себя как субъекта права.

В-третьих, в качестве репрезентаторов могут выступать несколько субъектов права, находящихся одновременно в различных местах и представляющих репрезентируемое лицо лишь в определенных пределах. Презентатор всегда один единственный субъект права, находящийся в данный момент времени в одном конкретном месте и персонально представляющий свою правовую личность в полном объеме.

Следовательно, в случае с саморепрезентацией мы имеем дело с правовым феноменом, который

находится как бы на стыке презентации и репрезентации, одновременно являясь самостоятельным персонативным явлением. Так, на наличие черт презентации (присутствия самого субъекта права) указывает приставка «само-», а на элементы репрезентации (физическое лицо представляет не себя лично, а юридическое или суверенное лицо) – приставка «ре-».

С нашей точки зрения, саморепрезентация является примером трансперсонативности (от лат. *trans* - сквозь, через и лат. *persona* - лицо) в праве как особого явления, связанного с преодолением персонативной правовой формы. При этом следует разграничивать два случая. Первый случай преодоления персонативной правовой формы связан с необходимостью внешней саморепрезентации юридического или суверенного лица (экстериорная трансперсонативность). Второй случай, наоборот, связан с необходимостью проникновения внутрь персонативной правовой формы, например, при расследовании правонарушений, совершенных юридическими [22, 23, 24] и суверенными лицами (интериорная трансперсонативность).

Так, впервые международное право столкнулось в практическом плане с необходимостью проникновения сквозь персонативную правовую форму суверенного лица во время работы Нюрнбергского трибунала. Защитники главных военных преступников ссылались на суверенитет как основание освобождения подсудимых вообще от международной уголовной ответственности [25, с. 19-292]. При этом немецкие юридические лица избежали ответственности за нарушение прав человека лишь из-за ограничения юрисдикции Нюрнбергского трибунала [26, с. 19].

Таким образом, в поведении физического лица, занимающего определенное должностное по-

ложение, следует разграничивать три вида юридически значимых действий. Во-первых, действия как отдельного физического (но не должностного) лица, когда индивид действует от себя лично (правовая презентация) и не представляет иного субъекта права или не саморепрезентирует суверенное или юридическое лицо. Во-вторых, когда индивид представляет интересы и действует от имени и по поручению другого субъекта права (классическое представительство или правовая репрезентация). В-третьих, действия как должностного лица, когда физическое лицо саморепрезентирует суверенное или юридическое лицо (самопредставительство или правовая саморепрезентация).

Выводы. Как видим, классический институт представительства (репрезентации) настолько отличается от самопредставительства (саморепрезентации) и презентации, что имеются веские основания полагать наличие тут трёх различных правовых явлений. Дальнейшее исследование данных институтов с помощью персонологической методологии позволит, как мы надеемся, уточнить правовую сущность, формы и содержание этих интереснейших персонативных феноменов и разработать обоснованные рекомендации для решения насущных проблем международно-правовой и национально-правовой практики.

Список использованной литературы:

1. Архипов С.И. Субъект права / С.И. Архипов. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 469 с.
2. Тарасов О.В. Міжнародно-правова персонологія в контексті загальної правової персонології / О.В. Тарасов // Проблеми законності. - 2009. - Вип. 101. - С.202-208.
3. Гордон А. Представительство в гражданском праве / А. Гордон. - СПб.: Тип. Шредера, 1879. - 447 с.

4. Нерсесов Н. Понятие добровольного представительства в гражданском праве / Н. Нерсесов. - М.: Типо-лит. И. И. Смирнова, 1878. - 191 с.

5. Шерешевский И. Представительство, полномочие и поручение в практике правительствующего сената / И. Шерешевский // Право. - 1915. - №40. - С.2492-2502.

6. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / Я.М. Магазинер. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. - 352 с.

7. Скловский К.И. Представительство в гражданском праве и процессе. (Вопросы теории: сущность, содержание, структура): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / К.И. Скловский. - Ростов-на-Дону, 1981. - 153 с.

8. Субботин Н.А. Представительство в англо-американском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.А. Субботин. - М., 1983. - 192 с.

9. Чалый А.А. Представительство государства при заключении международных договоров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / А.А. Чалый. - Киев, 1981. - 219 с.

10. Barberis J.A. Representatives of States in International Relations / Julio A. Barberis // Encyclopedia of Public International Law. Vol.10 / Ed. by Rudolf Bernhardt. - Amsterdam: North-Holland, 1987. - P.353-358.

11. Daoudi R. La représentation en droit international public / par Riad Daoudi; préf. de Paul Reuter. Bibliothèque de droit international, t. 84. - Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1980. - 405 p.

12. Sereni A.P. La représentation en droit international / Angelo Piero Sereni. - Paris: Sirey, 1949. - 98 p.

13. Мкртумян Н.А. Межотраслевое правовое регулирование института представительства по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03, 12.00.15 / Н.А. Мкртумян. - Краснодар, 2007. - 25 с.

14. Невзгодина Е.Л. Представительство / Е.Л. Невзгодина. - Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2007. - 549 с.

15. Токар Е.Я. Правовой институт представительства и реформа гражданского законодательства / Е.Я. Токар. - М.: Юрист, 2012. - 126 с.

16. Lagrange E. La représentation institutionnelle dans l'ordre international: une contribution à la théorie de la personnalité morale des

organisations internationales / par Evelyne Lagrange; préface de Jean-Pierre Queneudec. Etudes de droit international, vol.1. - The Hague; New York: Kluwer Law International, 2002. - xiii, 608 p.

17. Husain A.M. Who is the Legitimate Representative of the Palestinian People? / Amin M. Husain // Chinese Journal of International Law. - 2003. - Vol.2. - P.207-225.

18. Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

19. Тарасов О.В. Методологические основания правовой персоналогии / О.В. Тарасов // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: матер. науч. - практ. конф. Самара, 27 февраля 2009 г. Вып. 7. - Самара: Самар. гуманит. акад., 2009. - С.38-41.

20. Тарасов О.В. Правовое лицо как персонативная правовая форма: теоретико-методологический и международно-правовой аспекты / О.В. Тарасов // Проблемы законности. - 2011. - Вып. 113. - С.175-182.

21. Ориу М. Основы публичного права / М. Ориу: пер. с фр.; под ред. Е. Пашуканиса, Н. Челябинова. - М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929. - xxiv, 759 с.

22. Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран / В.Д. Федчук. - М.: Волтерс Клувер, 2008. - 400 с.

23. Cheng Th. K. Form and Substance of the Doctrine of Piercing the Corporate Veil / Thomas K. Cheng // Mississippi Law Journal. - 2010. - Vol.80. - No.2. - P.497-585.

24. Katherine E.L. Piercing the Corporate Veil in the International Arena / E. Lyons Katherine // Syracuse Journal of International Law and Commerce. - 2006. - Vol.33, issue 2. - P.523-548.

25. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 8 т. / отв. ред. Н.С. Лебедева. - М.: Юрид. лит., 1999. - Т.8. - 792 с.

26. Натапов С.Л. Привлечение к ответственности транснациональных корпораций за нарушение норм международного права в области прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / С.Л. Натапов. -

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Кристина ЧОПКО,
кандидат юридических наук, ассистент кафедры трудового,
аграрного и экологического права Львовского национального
университета имени Ивана Франко

SUMMARY

The article addresses with the research of the system of central executive power bodies, dealing with the environment protection. The legal nature of the Ministry of Natural Resources, State Environmental Inspection, order of their establishment, as well as their targets and powers in the scope of environmental protection are analyzed. The author makes her own propositions as to the excluding of repetition of the powers of some state bodies in the scope of environment protection, in particular, with regard to the precise differentiation of their powers on natural resources control and protection. The necessity of the amendments as to the jurisdiction of some state bodies is substantiated, which are as follows: State Agency of Land Resources of Ukraine, State Agency of Forest Resources of Ukraine, State Agency of Fish Business of Ukraine.

Key words: state bodies of power, jurisdiction, powers in the scope of environment protection, control in the scope of natural resources utilization.

В статье исследуется система центральных органов исполнительной власти, которые наделены полномочиями в сфере охраны окружающей среды. Проанализированы правовая природа Министерства экологии и природных ресурсов Украины, Государственной экологической инспекции, порядок их создания, а также их задачи, полномочия в сфере охраны окружающей среды. Предложены пути устранения дублирования полномочий отдельных государственных органов в сфере охраны окружающей среды, в частности через четкое разграничение их полномочий по контролю и охране природных ресурсов. Обоснована необходимость изменения подведомственности следующих государственных органов: Государственного агентства земельных ресурсов Украины, Государственного агентства лесных ресурсов Украины, Государственного агентства рыбного хозяйства Украины.

Ключевые слова: государственные органы власти, подведомственность, полномочия в сфере охраны окружающей среды, контроль в сфере природопользования.

Постановка проблемы. Развитие рыночных экономических отношений требует коренных изменений в системе государственных органов, осуществляющих управление в сфере природопользования, поскольку экологические отношения являются достаточно сложными и динамичными. Реализация отдельными государственными органами своих полномочий в сфере рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды требует новых форм и методов государственного регулирования эко-

логических отношений, устранение дублирования их функций в сфере охраны окружающей среды, то есть совершенствование государственного экологического управления.

Актуальность темы исследования подтверждается отсутствием комплексного исследования государственного управления в сфере природопользования, и как результат функции управления в сфере природопользования расплывлены между несколькими государственными органами, что приводит к многочисленным нарушениям экологического зако-